

Анатолий Петухов

Ей-ей-ей-ейск!

12+

Анатолий Викторович Петухов

Ей-ей-ей-ейск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64958651

SelfPub; 2021

Аннотация

Казалось бы, какие приключения могут произойти в семейном отпуске на берегу Азовского моря? Ведь там нет ни пиратов, ни крокодилов, ни штормов в девять баллов, а все необитаемые острова – обитаемые, или, как минимум, постоянно навещаемые любопытными туристами. А я вам говорю, есть приключения! Самые что ни на есть настоящие. Ведь если захотеть, можно найти забавные приключения в простом походе семьей на пляж, поездке в соседнюю станицу, при посещении дельфинария или даже на шведском завтраке. Героическими ли они будут? Нет, я же говорю, забавными. И, кстати, крокодилы там присутствуют... Эта повесть, состоящая из коротких историй, написана "по мотивам" нашего семейного отдыха на Азовском море летом 2020 года. Надеюсь, что мое произведение согреет вас, как южное солнце, и словно летним бризом навеет воспоминания о вашем курортном отдыхе.

Анатолий Петухов

Ей-ей-ей-ейск

Город на букву «Е».

Вы любите играть в города? А какой город вам приходит на ум, когда нужно называть на букву «Е»? Попробую угадать: Ереван? Екатеринбург? Я и сам до недавних пор называл эти города. А на днях играем с моим одноклассником, он и говорит: «Душанбе!». А я неожиданно: «Ейск!»

– Чего? – переспрашивает он. – Нельзя называть города из «Властелина колец», или где ты там его вычитал.

– Причем здесь властелин с кольцами? – усмехаюсь я. – Это самый что ни на есть реальный город.

– Может быть, Красноарм-ейск? – с подозрением смотрит на меня одноклассник.

– Нет! – уверенно заявляю я. – Просто, Ейск! Город на Азовском море. Говори на «К». Вот, кстати, твой Красноармейск тебе и пригодился...

Еще полтора месяца назад я сам не знал о существовании города Ейск. Я услышал это название от отца. Где-то в середине июля папа радостный вернулся с работы и заявил:

– Дорогая, дети, мы едем в Ейск!

– А почему в Ейск? – спросила мама.

– Потому что он на Азовском море, – проявил папа чудеса логики.

– И что?

– А то, что на Черном море мы уже были дважды, а на Азовском еще ни разу, – ответил папа.

– Мы и на Карибском ни разу не были, – напомнила мама.

– Ну, до Карибского моря я вас на машине не довезу, а вот до Азовского...

– Так мы еще и на машине едем?! – перебила мама папу. – А сколько дотуда?

– Всего тысяча восемьсот километров, – бодрым голосом ответил папа, – домчу с ветерком за каких-нибудь девятнадцать-двадцать часов.

– Ура! – закричала моя младшая сестра Алиса.

– Да поможет нам бог! – вздохнула мама.

И вот после тридцати двух часов, проведенных в машине, после многокилометровых пробок и ночлежки в придорожном мотеле, после кучи поглощенного фастфуда и трех прослушанных аудиокниг Тамары Крюковой, впереди засверкала водная гладь.

– Море!!! – в один голос закричали мы с Алисой.

– Море! – радостно подхватил папа.

И даже мама не удержалась и с восторгом затянула только что придуманную песню:

– Ей-ей-ей-ейск! Ей-ей-ей-ейск! Подошел к концу наш нелегкий рейс!

А еще через полчаса хаотичного петляния нашей машины

по узким улочкам и разговора папы на повышенных тонах с голосом из навигатора, мы подъехали к отелю.

Регистрация заняла каких-нибудь пять минут, и вот мы уже изучаем четырехместный номер, который станет нашим домом на ближайшие девять ночей. Из приоткрытого окна доносятся счастливые крики и всплески воды. Алиса откидывает свой рюкзачок и взбирается на подоконник. Я следом за ней.

– Вау! – восторженно произносит сестра. И я полностью с ней согласен. Прямо под нашим окном раскинулся большой голубой бассейн.

– Мама, где мой купальник? – бросается Алиса к одной из сумок. Я роюсь в другой в поисках плавок.

– Не раскидывайте вещи! – кричит на нас мама.

– Ну, пока вы собираетесь, я на пару минут прилягу, – зевает папа и разваливается на кровати. Через мгновение его громкий храп извещает о том, что отец не имеет ничего против того, что мы сходим искупаться в бассейне без него.

Морские золушки.

Пробиваясь через плотные потоки туристов, мы в полном составе направлялись по набережной в сторону пляжа. Кстати, это место – улица лейтенанта Шмидта, занесена в книгу рекордов Гиннеса, как самая широкая. Ее ширина шестьдесят девять километров. Удивлены? Секрет в том, что здесь, в Ейске, только четные номера домов, а нечетные на том бе-

регу Таганрогского залива в Мариуполе.

Вчера здесь мы встретили первый закат на море. Ночная набережная была еще более оживленная. Вот у этих перил я фоткал маму с Алисой на фоне опускающегося в море солнца. Сейчас же солнце стояло высоко и сильно припекало. Не спасал даже легкий ветерок.

– Ну, пойдете уже быстрее! – подгонял я остановившихся у какой-то торговой палатки родителей.

– Данил, подожди, Алисе нужно кораллки купить, – ответила мама, – а то тут пляж каменистый. У нас у всех шлепки есть, а у нее нет.

И вот Алиса уже марширует по пляжу, пиная мелкие камушки новыми фиолетовыми аквашугами.

Мы нашли укромное местечко и расстелили большое пляжное покрывало. Края его тут же начало запрокидывать ветром. Пока родители ходили переодеваться, мы с Алисой забросали все покрывало камнями, чтобы его не сдуло.

– Замечательно, – похвалил нас папа, выйдя из кабинки в одних плавках, – только зачем мы в таком случае расстелили покрывало? Можно было бы сразу лечь на камни.

Мы расчистили наше лежбище, оставив лишь четыре больших камня по углам, и папа сразу развалился, захватив почти всю территорию. Оставшуюся часть заняла мама, подставив свое тело в новом купальнике ласковому солнцу.

– Алиса, привет! – раздался рядом детский голос.

– О, Катя, здравствуй! – радостно ответила Алиса.

Это к нам подошла Алисина ровесница, с которой сестра познакомилась вчера у бассейна.

– Вы что только пришли? А мы уже в отель возвращаемся, – на девочке были такие же кораллки как у Алисы, только цветом отличались. Причем, отличались не только от Алисиных, но и друг от друга. Левая была зеленая, а правая – прозрачная, я даже не сразу ее заметил.

– Ты сегодня пойдешь в бассейне купаться? – спросила Алиса.

– Пойду.

– Тогда увидимся там.

Девочка кивнула и побежала догонять родителей, шаркая своими кораллками.

Через несколько минут папа поднялся.

– Ну, что, искупнемся?

И мы впервые вошли в Азовское море. Море гостеприимно приняло нас в свои объятия. Точнее, приняло нас не целиком, а только ноги. Мы долго шагали навстречу волнам, пытаясь погрузить в объятия и наши тела, но глубже никак не становилось.

Какие-то карапузы резвились на мелкоте и осыпали нас солеными брызгами. Мы слегка поежились и пошли дальше. Наконец волны коснулись моих плавок, еще через несколько шагов – папиных. Алиса, которой здесь было почти по грудь, уже успела окунуться. Но через несколько метров море опять начало мельчать. Папа приставил ко лбу ладонь козырьком

и посмотрел на видневшиеся в дали грузовые суда.

– Надеюсь, нам до них идти не придется, – пошутил он, – иначе, зря мы не захватили с собой что-нибудь перекусить.

– Да нет же, вон смотри, немного осталось, – я указал папе на людей, стоявших по грудь в воде. До них было шагов сто пятьдесят.

И через пару минут я нырнул в освежающую прохладу моря. Я планировал проплыть под водой метров десять, но резиновые сланцы тянули ноги на поверхность.

Папа учил плавать Алису, и, признаться честно, она делала успехи. Если вначале лета, когда мы купались в озере, у сестры получалось сделать лишь пару гребков, после чего она вскакивала на ноги, то сейчас, усердно барабанив по воде, Алиса уже проплывала метра три.

Когда мы выходили на берег, у линии прибоя нас ожидала мама. Она назагоралась и тоже решила окунуться. Алиса захотела показать маме, как она плавает и снова, уже с мамой, отправились «к глубинам» Азовского моря.

Папа опять разлегся на покрывале, а я, расположившись по соседству, стал выкладывать маленькими камушками у него на спине слово «Ейск». Загорит папа, а на спине останется белая надпись. И сразу будет видно, где папа урвал такой загар. Но сбыться моим планам было не суждено. Мимо нас прошел продавец, призывно крича: «Холодное пиво! Свежие раки!». Папа заинтересовано приподнялся и миниатюрный камнепад посыпался с его спины. Ну, вот, так никто

и не узнает, в каких широтах грелся под солнечными лучами мой отец.

Тут мы увидели, как на берег выходит вторая половина нашей семьи. И мама почему-то несла Алису на руках.

– Ногу что ли травмировала? – предположил я.

– Не должна, в кораллках ведь, – с тревогой в голосе сказал папа и пошел навстречу маме, – что случилось, Оля?

– Туфлю потеряла наша Золушка, – улыбнулась мама. – Поддай полотенце, пожалуйста. Будем сохнуть и ждать принца.

Роль принца решил примерить на себя папа.

– Пойду, поищу, – сказал он, – прибоем должно вынести.

Какое-то время папа ходил по колению в воде, высоко поднимая ноги, подобно цапле высматривающей мелкую рыбешку. Затем пошагал вдоль кромки воды, внимательно изучая различный мусор, который щедро выбрасывали на берег волны. Через несколько минут он победоносно вернулся, сжимая в вытянутых перед собой руках кораллку... зеленого цвета.

– Дорогой, ты у нас такой молодец, – похвалила папу мама, – только что же с цветом не угадал? И, похоже, еще и с размером, – мама взяла туфлю и посмотрела на подошву, – так и есть, эта двадцать пятого, а Алисина двадцать седьмого.

– Тут вам не обувной склад, – отшутился папа, – берите, чего дают.

– Так вот почему у Алисиной подруги были разные туфли! – осенило меня. – Получается не одна моя сестра Ма-ша-растеряша.

– А ты, Даня-растеряня, – обиженно ответила Алиса.

– Ну-ка хватит ругаться! – строго сказал папа, а затем спросил у меня. – А у этой девочки туфли какого цвета были?

– Ее Катя зовут, – вставила Алиса.

– Одна прозрачная, а другая тоже зеленая, – сказал я.

– Ну, значит твоя добыча совсем не напрасная, – обняла мама папу, – вернем пропажу Алисиной подруге.

– Кате, – повторила Алиса.

Вечером у бассейна она встретилась с Катей и торжественно передала подруге кораллку.

Девочка обрадовалась и, сняв прозрачную акватуфельку, попыталась надеть зеленую. Кораллка не натягивалась. Позже при помощи мам, нашей и Катиной, выяснилось, что обе туфли были на левую ногу. Получается, найденная папой, была потеряна не Катей.

Как много оказывается таких Золушек, с которых коварное Азовское море слизывает резиновые «башмачки».

А Алисе на следующий день мы купили новую пару кораллок оранжевого цвета. На всякий случай, на размер поменьше.

О медузах и арбузах.

И вот мы снова в салоне нашего автомобиля. Вроде бы все на своих местах: папа за рулем, мама на переднем пассажирском, а мы с Алисой на заднем сидении. Но что-то поменялось. А изменилось вот что: когда мы ехали в Ейск, мне было шестнадцать лет, а сейчас вроде бы катим по дороге точно так же, а мне уже семнадцать. Позавчера был мой день рождения, который мы отметили ужином с пищей и роллами.

– Похоже, это тоже не мои очки, – заявляет мама, разглядывая себя в зеркальце на солнцезащитном козырьке.

– Ты ведь час назад была уверена, что нашла свои, – отвечает папа.

– А сейчас рассмотрела, что не мои.

– Хорошо, – вздыхает папа, – на обратном пути опять заедем в аквапарк. Надеюсь, с тебя там не начнут брать за прокат.

Поясню, о чем говорят родители. В мой день рождения мы ходили в аквапарк, кстати, меня, как именинника, пропустили бесплатно. Ну и мама забыла в раздевалке очки. Хватилась она их вчера утром. Мы дошли до аквапарка, и маме там показали гору забытых посетителями очков. Мама быстро опознала свои. Проходив в них весь день, к вечеру мама обнаружила на душке очков маленькую наклейку. Раньше наклейки не было. И мама решила, что обозналась. Сегодня с утра мы снова заехали в аквапарк. Гора забытых вещей значительно выросла за день. Такое ощущение, что никто кро-

ме нас не приходит за оставленными аксессуарами. Мама, перемерив дюжину очков, с трудом опознала свои. А предыдущие «свои» вернула. И вот теперь, после того, как мы вернемся с Должанки, мама будет искать новые «свои» очки.

Должанка – это станица Должанская, которая находится всего в сорока километрах от Ейска. Родители Кати, Алисиной подруги, рассказали, что там очень красивые пляжи и море чище и глубже – не нужно идти триста метров, чтобы окунуться.

За окном мелькают красивые пейзажи. Кукурузные поля сменяются желтыми озерами подсолнухов. То тут, то там призывно манят взгляд своими полосатыми боками арбузы и вытянутые, как мяч для американского футбола, дыни. Их продают прямо с бахчи. Возле одного из таких пунктов продаж, которые выглядят, как деревянные сарайчики, папа затормозил.

– Купим арбузик? – предложил он и обратился к продавцу. – Сколько?

– Эти двадцать пять, – ответил мужчина в тюбетейке, – желтый по тридцать, мраморный – сорок, колхозница тоже сорок.

– Вроде бы цены, как у нас, – шепнула мама папе.

– Что как у вас?! Цены как у вас?! – услышал продавец и, бросив взгляд на номер нашей машины, добавил. – Да у меня сестра в Вологде живет. Там арбузы по тридцать шесть за килограмм.

– А мы не из Вологды, мы из Череповца, – сообщил я

– В Череповце у меня брат арбузами торгует, там вообще по тридцать восемь.

– Убедили, – сказал папа и купил арбуз на шесть килограмм.

И вот мы приехали на пляж «Золотые пески». Не знаю, кто дал название этому месту, но оно совсем не соответствовало действительности. Берег был усыпан белыми ракушками.

– Красота! – восхитилась мама и скинула босоножки. Но уже через несколько секунд снова обулась. Идти по ракушкам было больно.

Мы разместились в тени зонтика, который, ожидаемо, оказался платным. Народу в море было немного. Гораздо меньше, чем на пляже в Ейске. И когда мы решили охладиться, то поняли почему. Причиной небольшого количества купающихся было большое количество медуз. Они раскинули свои белые купола с фиолетовыми пятнами повсюду. Зрелище чем-то напоминало высадку десанта.

– Я здесь купаться не буду, – надулась Алиса.

– Я тоже, – поддержал я сестру, – не хочу плавать с этими склизкими субстанциями по соседству.

– Давайте просто найдем место, где их поменьше, – предложил папа.

Мы прошли двести шагов в одну сторону, двести в другую. Все безрезультатно. Концентрация этих морских обита-

телей везде была одинаково высокая.

– Ладно, не бойтесь, – сказал папа, входя в воду, – они только на мелкоте. Глубже их нет.

– Мы не пойдем! – твердо заявили мы с Алисой.

– Да они не жалятся, вот смотрите, – папа ткнул пальцем в купол дрейфующей рядом медузы. – Пойдемте!

– Нет!

– Ну, как хотите, – сказал папа и нырнул. Через секунду его голова вновь появилась над поверхностью воды, и он поплыл. Но, спустя мгновение, папа вдруг вскрикнул, выругался и погреб к берегу.

– Ужалила, гадина! – пояснил он, выскочив на берег и протирая ногу. – Пойдемте лучше арбуз кушать.

Полосатую ягоду резали маминой пилочкой для ногтей, так как ножика у нас не было. Арбуз оказался очень сладким. Его мякоть прямо таяла во рту. Мама с Алисой сплевывали черные семечки в пластиковые стаканчики, а мы с папой ели прямо с семенами.

Утолив сразу и голод, и жажду, папа решил прилечь. Но у мамы на этот счет были другие планы.

– Смотри, в море почти никого нет, – сказала она, вытирая рот влажной салфеткой, – ты обязательно должен меня сфотографировать.

И началась фотосессия. Десять кадров, где мама по щиколотку в воде, десять кадров по колено, десять по пояс, сидя, лежа, стоя, лицом, спиной, в пол оборота, в очках, без очков,

в шляпе, без шляпы. Мама взмахивала головой, так что волосы ее развевались, подкидывала над собой россыпи белых ракушек, задумчиво смотрела вдаль и даже, состроив испуганную гримасу, указывала пальцем на выброшенную на берег медузу. Затем к маме присоединилась Алиса, принеся с собой возможность множества новых композиций.

Не знаю, на сколько бы еще хватило фантазии у мамы и сестры, но папин телефон пикнул, сообщив, что память у него не бесконечна.

– Удали плохо получившиеся и пофоткай еще, – предложила мама.

– Все снимки безупречны, – ответил папа. – Поедемте в отель.

На обратном пути опять остановились, чтобы купить арбуз. Так получилось, что на той же самой бахче. Продавец, у которого мы брали арбуз несколько часов назад, торговался с какой-то семейной парой.

– Это в Твери то арбузы по двадцать пять?! – кричал он. – Да у меня брат там живет. Там редко где арбуз дешевле сорока рублей за кило найдешь!

– Смотри, как пораскидало по стране родственников этого бедолаги, – шепнул папа. – Поедемте, в другом месте купим.

Мы приобрели арбуз на другой бахче, всего по восемнадцать рублей за килограмм. Но, честно говоря, он оказался не таким сладким, как первый.

Да, чуть не забыл, еще заезжали в аквапарк, где ма-

ма опять обменяла очки. Теперь уже стопроцентно нашла свои...

В погоне за искусством.

Мне и раньше случалось бывать в дельфинариях. Два года назад в Анапском, а примерно в десятилетнем возрасте, в Сочинском. Но здесь, в Ейске, программа представления немного отличалась. Не было дельфина белухи, но зато порадовали морские котики. Они были очень забавные. Самец Гектор и самка Ньюша. Они исполняли акробатические этюды, вращали обручи, играли мячами, танцевали и даже пели. Причем, у Гектора голос был высокий, а у Ньюши низкий и какой-то грубый. В завершении номера этой парочке вынесли мольберт и краски. И котики поочередно намалевали на листе бумаги разноцветные каракули.

– Это произведение современного искусства получит тот, кто назовет максимальный вес, до которого вырастают самцы морских котиков, – торжественно объявила ведущая. – Ответы принимаю только от детей. Не выкрикиваем, тянем руки!

Папа быстро достал из кармана телефон и, занырнув на несколько секунд во всемирную паутину, шепнул что-то на ухо Алисе. Сестра тут же начала трясти вытянутой рукой. Но ведущая ходила по соседнему сектору, откуда доносились самые разнообразные варианты.

– Сто!

– Пятьсот тридцать!

– Тонна, если питается хорошо!

– Четыреста двадцать три килограмма двести грамм!

– Не верно, – отвечала ведущая, продвигаясь в нашу сторону. – Ну же, кто еще скажет?

Мне показалось, ведущая посмотрела на Алису.

– Ну же, Алиса, давай! – сказал я сестре. Она на секунду замешкалась, и тут с соседнего ряда раздался мальчишеский голос:

– Триста!

Полноватый пацан, сидевший с бабушкой прямо за нами, назвал правильный ответ и получил приз. То ли угадал, то ли его бабушка пользуется интернетом не хуже нашего отца. А может, папа шепнул Алисе ответ опрометчиво слишком громко. Да, какая разница! Никто из нас особо не расстроился. Разве что папа.

А потом появились дельфины афалины. Их выступления всегда отличались особой зрелищностью. Мы сидели на первом ряду, и когда эти умнейшие млекопитающие выпрыгивали на несколько метров вверх, а затем плюхались в воду, нас обдавало брызгами. Алиса и мама при этом визжали, а мы с папой стойко переносили этот неожиданный душ.

Но в какой-то момент сценаристы шоу утратили свою оригинальность, и дельфины тоже начали рисовать. Художества афалинов особо не отличалось от картин предыдущих ар-

тистов. Не успели еще дельфины поставить заключительные мазки в своей работе, а мой папа уже штудировал интернет в поисках информации об этих чудных морских существах.

– Алиса, запоминай! – сказал он. – И сразу же, как объявят конкурс, тяни руку.

Папа решил не ограничиваться знанием о максимальном весе самцов дельфинов афалинов и сообщил Алисе вес самок. Затем, максимальный размер, максимальную развиваемую скорость и максимальную продолжительность жизни. Не могу сказать, сколько из услышанного запомнила моя сестра, но через минуту выяснилось, что данная информация пригодится Алисе разве что в школе. Но точно не в этом конкурсе. Ведь ведущая объявила аукцион. А это значит, что дельфиний абстракционизм выставлялся на торги. Начальная цена единственного лота была триста рублей. Шаг за шагом она поднялась почти в двадцать раз. Какой-то старичок в ковбойской шляпе приобрел произведение искусства за пять тысяч восемьсот рублей. Папа с мамой оказались людьми разумными и в торгах не участвовали. Представление закончилось, но история, связанная с дельфинарием имела продолжение.

На следующий день после прогулки в парке имени непобедимого борца Ивана Поддубного, мы решили посетить «Крокодилий каньон». Правда, Алиса наотрез отказалась идти в помещение, кишашее крокодилами. Поэтому, в гости к этим зубастым хищникам мы отправились с папой. Мама

с Алисой пошли в менее опасный «Трогательный зоопарк». Трогательный – потому что там можно было потрогать разных зверушек.

В «Крокодильем каньоне» тоже можно было погладить зверей, но далеко не всех. Нам вручили дежурного каймана с замотанной скотчем пастью для фотоснимка. Затем, долго и навязчиво предлагали сфотографироваться с каким-то маисовым полозом, не очень приятной, но неядовитой, по словам экскурсовода, змеей. По хитрому взгляду этого полоза мне показалось, что он только притворяется неядовитым. Мы с папой сказали, что как-нибудь обойдемся без фото с ним. Потом мы бегали по деревянному вольеру от огромной черепахи, которая перла на нас как танк. Для своих девяти лет она была довольно резва и один раз очень ощутимо наступила мне на ногу.

А дальше были они... Смертоносные клыкастые хищники завораживающей красоты. Алигаторы, кайманы, гавианы, крокодилы всевозможных размеров, отличающейся раскраски, с разных уголков света. Большинство из них не двигались, а лежали, застыв в выжидательных позах. Когда же экскурсовод предложил нам «порыбачить» и выдал мне удочку с прищепкой на леске и несколько кусочков мяса, я осознал насколько могут быть резкими и стремительными эти, на первый взгляд, неповоротливые земноводные.

Пока я откармливал крокодилов, папа отошел к стенке и что-то внимательно там рассматривал. Скормив все мясо

ненасытным тварям и вернув удочку, я подошел к папе. К моему удивлению, в том месте, где он расположился, не было никаких живых «экспонатов». Тем не менее, отца что-то здесь привлекло.

– Пап, ты чего не смотрел, как я удил крокодилов? – спросил я.

– Тс-с, – приставил папа указательный палец к губам, – слышишь?

Я прислушался и понял, что «Крокодилий каньон» граничит с дельфинарием. Шло то же самое шоу, которое мы посещали вчера. Ведущая комментировала, как рисуют морские котики.

– Пошли, пап, мы еще анаконд не посмотрели, – потянул я отца за руку.

– Подожди минутку!

И тут из-за стены донеслась фраза ведущей:

– Это замечательное произведение современного искусства получит тот, кто назовет максимальный вес, до которого дорастают самцы морских котиков. Ответы принимаю только от детей...

По папиному выражению лица было видно, что в его мозгу зреет какой-то план.

– Пошли! – произнес, наконец, он бодрым голосом.

– К анакондам?

– К маме и Алисе.

– Пап, ну мы еще не всех здесь посмотрели, – воспроти-

вился я.

– Ну, хорошо, у нас есть время, – сдался папа.

Когда мы встретились с мамой и Алисой и выслушали рассказ сестры о том, как клево было в «Трогательном зоопарке», папа торжественно произнес.

– Я знаю, как нам выиграть рисунок морских котиков!

– О, боже, – сказала мама и саркастически добавила, – напомни, а зачем он нам?

– Ну, как..., – замялся папа, – ведь не каждый день дается такая возможность. А тут... Я выяснил, что ведущая задает все время один и тот же вопрос.

– Та-а-ак, – протянула мама.

– Я знаю, с какой стороны она начинает опрос.

– И-и-и...

– Мы пойдем с Алисой на вечернее представление и выиграем этот рисунок, – триумфально закончил папа, вызвав Алисин восторг.

– И ты готов еще раз потратиться на билеты?

– Дорогая, ты ведь видела вчера, что художества дельфинов стоят пять восемьсот. Рисунок котиков если и дешевле, то не многим. Выгода очевидна.

– И что, мы его на «Авито» выставить будем? – вздохнула мама.

– Нет, конечно. Это же память. Плюс я вчера почти не видел представление дельфинов. Все пытался запечатлеть их в полете. По твоей, между прочим, просьбе.

Мама молчала.

– А вы с Даней сходите в «Акулий риф», – предложил папа, – Алиса все равно отказывается от его посещения.

– Ну, ладно, – согласилась, наконец, мама, – только давайте вначале перекусим.

– Давайте! До следующего представления еще вагон времени.

Пока мы трапезничали в кафешке, папа несколько раз проинструктировал Алису, когда ей поднимать руку и что говорить, когда ее спросят.

– Триста килограмм, – повторял папа, – запомнила? Триста килограмм!

– Да запомнила, запомнила, – беззаботно отвечала Алиса, облизывая мороженое.

Вскоре мы разошлись: мы с мамой пошли рассматривать черноперых акул и галапагосскую черепаху, а папа с Алисой реализовывать свой безупречный план. Когда мы вышли из океанариума, то сразу увидели изрядно опечаленную вторую половинку нашей семьи. Трофея в их руках не наблюдалось. Из сбивчивого рассказа наших охотников за искусством» выяснилось, что их тщательно спланированная операция дала осечку. Диспозицию выбрали верную – ведущая начала опрос именно с них. Только вот вопрос неожиданно оказался другим: «какой максимальной длины достигают самцы морских котиков?»

Папа просто растерялся от такой подлости, а Алиса не на-

шла ничего лучше, как выдавить из себя зазубренный ответ: «триста килограмм». А приз выиграла девочка подросток. По окончании шоу папа предложил девочке продать ему рисунок за тысячу, но та подняла цену в пять раз. Папа не поддавался искушению и отказался.

– Ладно, папа, не расстраивайся, – приободрила папу Алиса, – приедем домой, я тебе еще лучше картину нарисую.

– Или нашей кошке к лапам кисточки привяжем, она еще не такое наваяет, – пошутил я, в надежде, что папа улыбнется. – А что? Между прочим, самка сухопутного котика.

Папа обнял и поцеловал Алису. А затем, притянул к себе и меня. Вот что за создание наш папа? Мечется, мечется в поисках каких-то мифических сокровищ. А настоящие то сокровища, вот они. Смеются в его объятиях.

Шведское обжорство.

– Дорогой супруг, а ты знаешь, что в ресторане нашего отеля есть шведские завтраки? – услышал я как-то спросонья разговор родителей.

– Знаю, – коротко ответил папа.

– И почему мы ни разу не позавтракали там?

– Это удовольствие стоит двести девяносто рублей с человека, – донесся папин голос уже из душа, – с четверых получается почти тысяча двести. А в «Кедре» мы всей семьей завтракаем на пятьсот рублей.

– Но один то раз за отдых мы можем шикануть? – не уни-

малась мама.

Ответа долго не было. Слышен был лишь шум воды. Через несколько минут папа вышел и сказал:

– Ну, хорошо, давайте сходим. Только ты сама прекрасно знаешь, как завтракают наши дети. Даня, как Буратино съест три корочки хлеба, а Алиса, как Дюймовочка, половинку зернышка.

– Я четыре корочки съем, – пообещал я, зевая.

– А я – целое зернышко, – оказывается, сестра тоже проснулась.

– Вот, видишь, – сказала мама, – наши дети голодные, как тигры.

– Ладно, тигры, вставайте, – хлопнул папа в ладоши, – мы идем на шведский завтрак.

И вот, спустя полчаса, мы двигаемся вдоль столиков раздачи ресторана «Марлин».

– Яичницу брать? – спрашивает мама.

– Брать, – отвечает папа.

– Сосиски?

– Бери.

– А что, блинчиков нет? – интересуюсь я.

– Нужно раньше вставать, – упрекает меня папа, – вон оладьи остались. Возьми на всех!

Родители сдвинули два маленьких столика, так как на один набранные нами яства не поместились бы. Вот перечень лишь некоторых из них: уже упомянутые яичница и сосис-

ки, жареная курица (это на завтрак то!), нарезка сыра, мясная нарезка, овощи (помидоры, огурцы, болгарский перец), фрукты (яблоки, персики, бананы), оладьи, яблочный джем и шоколадная паста к оладьям. Из напитков: чай, кофе, клюквенный морс, молоко и просто вода.

Я съел три оладьи и объелся. Алиса даже не смогла допить молоко с шоколадными шариками «Несквик». Но папа с мамой оказались крепкими орешками. Еда с тарелок исчезала стремительно. Папа каждые несколько минут ослаблял ремень на шортах на одну дырочку.

Официантка прошла мимо нас с подносом, на котором печной трубой возвышались и дымились блины.

– Данил, возьми несколько штукечек, пока не разобрали, – проговорил отец, тяжело откинувшись на стуле.

Я принес четыре блина и с трудом осилил лишь один из них.

– Алиса, а ты почему ничего не ешь? – строго спросила мама.

– Не хочу.

– Скушай блин!

Алиса повиновалась.

Работники ресторана снова засыпали кофе в опустевший кофейный аппарат, и папа в очередной раз подошел к нему. Наполнив картонный стаканчик капучино, папа сделал маленький глоток.

– В номере допью, – вздохнул он.

Мама вытерла салфеткой губы и медленно поднялась из-за стола.

– Алиса, вот ты здесь ничего не поела, – сказала она, – а сейчас придем на пляж, начнешь просить всякую сладкую ерунду!

Но мамино предсказание не сбылось. Алиса не стала просить на пляже всякой ерунды, так как на пляж в этот день мы не попали. Придя в номер, родители легли на кровать и заснули. В обед я дошел до кафе, купил себе шаверму с лимонадом, а сестре картошку фри. Папа с мамой обедать отказались. В итоге, затея со шведским завтраком оказалась даже выгодной. Если не считать, что в этот день мы лишились моря.

Хорошо, что в отеле был бассейн...

Отъезд.

– Ну, что, сядем на дорожку? – сказал папа и присел на край застеленной простынью кровати.

Сегодня мы уезжали домой. Родители проснулись ни свет, ни заря и собрали сумки. Затем, папа сходил до кафе и принес нам завтрак. От шведского завтрака в нашем отеле мы решительно отказались. А то бы выехали не раньше полудня.

– Ну, с богом! – сказал папа поднимаясь.

Мы взяли сумки и вышли из номера.

– Мама, а вы лимонад не забыли в холодильнике? – спро-

сил я, когда мы спустились на первый этаж. – Я себе в машину приготовил.

– Данил, приготовил, так нужно самому и позаботиться, – ответила мама. – Я не брала.

– Я тоже в холодильник не заглянул, – сказал папа и, протянув мне магнитный ключ от номера, добавил. – Сбегай!

– Только в зеркало не забудь посмотреться! – крикнула мне вдогонку суеверная мама.

Я вбежал на третий этаж и открыл дверь в номер. Выудив из холодильника ледяную бутылку, я шагнул к двери. Возле нее я остановился и обвел взглядом номер, который был нашим домом целых девять дней и ночей. Мне подумалось: завершился еще один этап моей жизни. Возможно, я преодолел еще одну ступеньку детства. Одну из последних его ступенек. В августе я планировал подработать, чтобы апгрейдить свой комп. Потом, одиннадцатый класс, ЕГЭ и поступление в универ. Собственно, вот уже детство и закончится. А еще подумалось, что эта девятидневная ступенька была не так уж плоха.

Номер был пуст. Но кое-какие оставленные мелочи напоминали о нашем пребывании здесь. На прикроватной тумбочке стоял картонный стаканчик из-под кофе со шведского завтрака. Из него торчала мамина пилочка для ногтей. Во время вскрытия ею очередного арбуза у пилочки треснула пластиковая ручка, и мама решила оставить ее. Пусть другие постояльцы, кто приедет без ножа, пользуются при резке

бахчовых.

На столике перед зеркалом раскинутой карточной колодой лежали целых шесть использованных билетов в дельфинарий. Рядом обнаружили мамины солнцезащитные очки. Опять забыла! Хорошо, что вернулся. Я засунул их в карман.

На полу перед дверью в одиночестве скучала Алисина фиолетовая кораллка.

Я невольно улыбнулся, увидев эти предметы. Со всеми ими были связаны забавные истории нашего семейного отдыха.

«А не написать ли мне рассказ про все это?» – подумал я и тут же отбросил эту идею. – «Сейчас есть дела поважнее. Может быть, когда-нибудь в старости, лет в сорок пять».

Я закрыл дверь.

Уже подъезжали к Ростову-на-Дону, когда я вспомнил про мамины очки

– Мама, держи и не забывай больше! – протянул я маме ее аксессуар.

– Ты это о чем? – обернулась ко мне мама, и я увидел, что она в очках.

– А это тогда чьи? – изумленно спросил я.

Мама взяла двое очков в руки и стала рассматривать их с внимательностью ювелира.

– Есть отличия? – поинтересовался папа.

– Пока не обнаружила, – сказала мама. – Это что же, получается, я присвоила чьи-то очки в аквапарке?

– Даже не надейся, что я разверну машину, – улыбнулся папа. – В следующую поездку что-нибудь забудем в качестве компенсации за очки.

Какое-то время ехали молча, и вдруг Алиса запела:

– Ей-ей-ей-ейск! Ей-ей-ей-ейск!

Мы все дружно подхватили:

– Предстоит нам нелегкий обратный рейс!

Прерывистая разметка мелькала, словно какой-то великан строчил на швейной машинке тесемку дороги. Мы ехали домой...